

О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЙ РОСТОВСКОГО КРЕМЛЯ

Несмотря на широкую известность ансамбля Ростовского кремля (архиерейского двора) многие его памятники исследованы недостаточно. Настоящая работа посвящена уточнению датировок большинства сооружений данного ансамбля.

Митрополичьи хоромы

Авторы XIX — начала XX вв., следуя «Летописи о ростовских архиереях»¹, считали, что двухэтажный корпус Митрополичьих хором (Самуилов корпус) был возведен при митрополите Ионе (1652—1690 гг.). Третий же этаж появился в результате перестройки всего корпуса при митрополите Самуиле Миславском между 1776 и 1783 гг.².

Но в 1928 г. В. А. Собянин, никак не аргументируя, датировал нижний этаж корпуса концом XVI в.³. Незадолго до того на фасадах нижнего этажа реставраторами был открыт декоративный пояс⁴. По мнению В. С. Баниге, он близок к декоративному поясу настоятельских покоев XVI в. Ростовского Борисоглебского монастыря. Кроме того, В. С. Баниге без особых доказательств утверждал, что при митрополите Ионе над нижним этажом XVI в. рассматриваемого здания было надстроено еще два этажа⁵. Таким образом, по Баниге, митрополичьи хоромы уже в XVII в. были трехэтажными, и, судя по графической реконструкции автора, сильно возвышались над остальными гражданскими сооружениями ансамбля⁶.

Однако опись Ростовского архиерейского дома 1691 г. (в дальнейшем — Опись 1691 г.), составленная сразу же после смерти митрополита Ионы, дает описание лишь «исподних житий» и палат «вверху»⁷, то есть лишь двух этажей здания. Следовательно, в то время оно было еще двухэтажным. О позднем происхождении третьего этажа говорит и отсутствие внутристенных лестниц между вторым и третьим этажами. Тогда как между первым и вторым этажами таких лестниц несколько.

Но третий этаж появился и не при митрополите Самуиле Миславском, а несколько раньше. Впервые вполне определенно о существовании третьего этажа говорит уже опись Ростовского архиерейского дома 1759 г.⁸.

Что же касается датировки нижнего этажа корпуса концом XVI в., то она базируется лишь на предполагаемом сходстве его декоративного пояса с соответствующим поясом упомянутых настоятельских покоев (XVI в.) Борисоглебского монастыря. Но насколько же велико это сходство? Проведем детальное сравнение этих поясов друг с другом.

Декоративный пояс настоятельских покоев состоит из пяти рядов узорной кладки, соответственно, начиная сверху поребрика, бегунка, поребрика, нишек с городковым основанием и завершением и вновь поребрика. Пояс митрополичьих хором составляют, начиная сверху, лишь бегунок, ряд нишек с городковым завершением, так называемых «бойничек», и валик. Итак, сходны лишь бегунки. Но этот декоративный элемент был настолько широко распространен в XVI—XVII вв., что не может являться датирующим признаком. Есть некоторое сходство между рядами «бойничек» и нишек с городковым основанием и завершением, но более чем отдаленное и случайное. Отдельные элементы того и другого сильно отличаются друг от друга и формой, и размерами. Таким образом, декоративный пояс настоятельских покоев Борисоглебского монастыря не может быть привлечен как аналогия для датировки Митрополичьих хором. Характерно, что декоративные пояса из нишек с городковым завершением встречаются в памятниках Ростова лишь второй половины XVII в., таких, как Водяная башня (70—80-е гг. XVII в.), северная башня (около 1688 г.) соборной звонницы Ростовского кремля и церковь Спаса на Песках (конец XVII в.)⁹.

В первом этаже корпуса сохранились многочисленные первоначальные воздушные железные связи, часть из которых выкована вручную, а часть — механическим способом. Именно эта последняя особенность связей и является весьма надежным датирующим признаком. Как известно, впервые в России механический железоделательный завод выдал продукцию в 1636 г.¹⁰ Однако, судя по данным нашего обследования железных связей многочисленных культовых и гражданских сооружений Ростова, Ярославля и Ярославской области, железные изделия, выкованные механическим способом, получили распространение в данном регионе лишь во второй половине XVII в.¹¹

Итак, нижней хронологической границей возникновения нижнего этажа Митрополичьих хором является середина XVII в. Верхнюю же хронологическую границу определяет

время окончания строительства комплекса церкви Спаса на Сенях с Белой палатой и гульбищем (1675 г.). Дело в том, что указанное гульбище примкнуло к южному фасаду уже существовавших до того Митрополичьих хором, о чем свидетельствует наличие на этом фасаде того же декоративного пояса, как и на других фасадах здания. Ныне этот пояс вновь оказался закрытым воссозданным в 70-е гг. нашего века гульбищем. Всего же вероятней сооружение Митрополичьих хором относится к начальному этапу строительной деятельности митрополита Ионы, то есть к 50—60-м гг. XVII в. Об этом, в частности, говорит сочетание в данном памятнике железных связей, выкованных вручную, со связями, выкованными механическим молотом. Причем первый и второй этажи строились одновременно. Об этом свидетельствует однородность кирпичной кладки на границе между указанными этажами в проемах, соединяющих их внутрестенных лестниц. Здесь отсутствуют вообще какие-либо признаки разновременности кирпичных кладок данных этажей.

Комплекс церкви Спаса со столовой палатой

В. С. Баниге считал, что дошедший до нас комплекс церкви Спаса на сенях с Белой столовой палатой сложился за два основных строительных периода. Сначала, по его мнению, еще в XVI в. был возведен высокий кирпичный подклет, над которым при митрополите Ионе надстроили деревянную церковь Спаса. Когда же она сгорела, то на том же подклете сложили нынешнюю церковь и пристроили к ней с запада двухэтажный объем столовой палаты¹².

Но в «Летописи о ростовских архиереях», единственном источнике, упоминающем о деревянной церкви Спаса, ничего не говорится о существовании ее каменного подклета¹³. Данные же натурного изучения памятника позволяют утверждать, что он весь целиком, включая церковь, ее подклет и столовую палату с подклетом, возведен в одно и то же время. Об этом в первую очередь говорит перевязанность кладки подклета церкви и столовой палаты. Об одновременности сооружения собственно церкви и ее первого этажа свидетельствуют однородность кладки и единство конструкции лестничного проема, ведущего в толще северной стены здания из основного объема церкви под солею во второй ярус подклета. О том же свидетельствуют и железные связи подклета, выкованные механическим молотом (см. выше).

Известно, что церковь Спаса закончена постройкой в 1675 г.¹⁴. Следовательно, и возведение всего комплекса произошло около 1675 г.

Корпус сушил на кладовых палатах, пивоварни и житий на кладовых палатах¹⁵

Между водяными и деревянными воротами вдоль восточной и южной крепостных стен ансамбля протянулся двухэтажный Г-образный в плане корпус (дом № 2), именуемый ныне Иераршими палатами. Этим совершенно неверным названием он обязан появившейся в XIX в. легенде о том, что в его северной части в самом начале XVII в. жил церковный иерарх — митрополит Филарет, отец царя Михаила Романова¹⁶. Из этой же легенды вытекала и утвердившаяся датировка здания XVI в.¹⁷.

Противоположное мнение еще в 1913 г. высказал И. Н. Богословский. Рассмотрев все имевшиеся в его распоряжении документы, он указал на отсутствие исторических сведений, подтверждающих данную легенду, и выдвинул убедительное предположение о строительстве корпуса при митрополите Ионе в качестве хозяйственного сооружения¹⁸. Однако это мнение И. Н. Богословского не нашло себе сторонников, а статья его была надолго забыта¹⁹.

В. С. Баниге, который специально занимался изучением данного корпуса, вполне доверял упомянутой легенде, и, следуя традиции, без специальных доказательств отнес памятник к XVI — первой половине XVII вв.²⁰. Основное же внимание автора было сосредоточено на выяснении истории формирования здания. Он полагал, что глубина культурного слоя, закрывшего основание сооружения, может характеризовать относительную давность постройки той или иной его части. Руководствуясь этим положением, он признал южное крыло корпуса «одним из древнейших»²¹. Разновременность южного и северного крыльев здания В. С. Баниге подтвердил еще двумя аргументами: во-первых, между ними в углу «глаголя» имеется «осадочный шов»; во-вторых, цоколь и фундамент северного крыла находятся почти на полметра выше южных²². По Баниге, последовательность строительства этого корпуса представляется следующей: сначала была возведена южная одноэтажная часть, затем северная, также одноэтажная, и, наконец, средняя двухэтажная, возведенная одновременно или почти одновременно с постройкой вторых

этажей первых двух частей корпуса. Первоначально, как предполагал автор, одноэтажные кирпичные корпуса — северный и южный — имели деревянные «верхние» этажи²².

Нам система доказательств В. С. Баниге не кажется вполне убедительной. В самом деле, глубина культурного слоя сама по себе, без установления времени возникновения этого культурного слоя, не может быть датирующим признаком. И, как, в частности, показали исследования последних лет, весь культурный слой, расположенный выше цоколя рассматриваемого корпуса, представляет собой поздний строительный мусор²⁴. Обследование нами кладки корпуса в углу «глаголя» не обнаружило никакого «осадочного шва» между южным и северным крыльями корпуса, напротив — кладка их перевязана. И, наконец, разница высот цоколей и фундаментов южного и северного крыльев здания объясняется естественным понижением древнего рельефа местности в сторону южного крыла и дальше к озеру Неро. Предположение о наличии деревянных вторых этажей не подтверждается ни документами, ни натурными данными.

Единственно, в чем нельзя не согласиться с В. С. Баниге, так это то, что северное крыло корпуса делится на две относительно одновременные части — северную и южную, поскольку между ними действительно отсутствует перевязка. О том же свидетельствует декоративный пояс на промежуточной, но когда-то наружной, стене между этими объемами²⁵.

Проведенное нами обследование памятника показало следующее. Северная стена северного крыла корпуса имеет перевязку с примыкающей к ней Водяной башней, построенной при митрополите Ионе. Значит, северная часть корпуса и эта башня построены одновременно. Точно также западная стена южного крыла корпуса перевязана с Дровяной башней, относящейся ко времени митрополита Ионы (1652—1690 гг.).

Поперечные стены всего корпуса, где это удалось проследить, тоже перевязаны с крепостными стенами. Надо подчеркнуть, что корпус на всем своем протяжении органически и неразрывно связан с крепостными стенами. Эти стены одновременно являются внешними (южной и восточной) стенами корпуса.

Считалось, что крепостные стены пристроены при митрополите Ионе к ранее существовавшему корпусу²⁶. Но если это было так, то северная и южная стены данного корпуса

имели бы двухслойную структуру. Натурное обследование поверхностей сквозных проломов, сделанных в XIX в. в нижней части западной крепостной стены, опровергло это мнение. Указанная стена оказалась по структуре однородной.

Первый и второй этажи корпуса обладают железными связями, выкованными механическим способом. Кроме того, на одной из этих связей во втором этаже северного крыла корпуса удалось обнаружить клеймо. Такие клейма в России появились, как установил М. Б. Чернышев, лишь в последней трети XVII в.²⁷. А если учесть, что весь корпус был описан в Описи 1691 г.²⁸, то его следует датировать 70—80-ми гг. XVII в. Именно в этом промежутке сначала была построена северная часть корпуса, а потом вся южная его часть.

Корпус поварни и приспешни²⁹

Двухэтажный корпус, примыкающий с запада к Дровяной башне, носит теперь совершенно неверное название княжих теремов и датируется XVI — началом XVII вв.³⁰. Предание о том, что в этом здании когда-то жили ростовские князья, лишено каких-либо реальных оснований³¹. В. С. Баниге считал, что корпус сложился в XVI в., причем сначала первый этаж был каменным, а второй — деревянным. Вторым каменный этаж появился до ионинского строительства³². Но уже анализ данных натурального исследования памятника, проведенного В. С. Баниге, заставляет сомневаться в конечных выводах автора.

Так, им была обнаружена перевязанность кирпичной кладки северной галереи Дровяной башни, созданной при митрополите Ионе, и восточной стены корпуса, из чего он сделал правильный частный вывод, что они «сложены одновременно»³³. Но автор и после этого продолжал относить корпус к XVI в. Подтверждение своему мнению он искал на южном фасаде корпуса, являющемся одновременно крепостной стеной. Кладка угла в месте соединения этой стены с Дровяной башней оказалась перевязанной. «Примыкание этой стены «теремов» к башне, — писал В. С. Баниге, — обнаружилось в другом месте, именно — у западной кромки стеновой пилястры, составляющей южную грань входящего угла. Поставленный здесь зондаж показал, что все ряды кирпичной кладки (до машикулей), идущие от здания «теремов», упираются в боковую поверхность пилястры»³⁴. Каза-

лось бы, этот факт доказал, что башня пристроена позже к ранее существовавшему корпусу.

Однако заложенный нами на том же месте более глубокий зондаж выявил перевязанность внутренней кладки стены и пилястры. По существу, эта пилястра и стена представляют единое целое. Отсутствие же перевязки лицевой кирпичной кладки, обнаруженное В. С. Баниге, объясняется применявшимся в то время и широко использовавшимся при строительстве стен Ростовского кремля способом выкладки пилястр.

Вообще, как и предыдущее здание, данный корпус составляет единое конструктивное целое с южной крепостной стеной. С особенной наглядностью одновременность строительства Дровяной башни, южной крепостной стены и обеих этажей рассматриваемого памятника демонстрирует лестничный проем, начинающийся в западной стене башни, проходящий сквозь толщу этой стены, входящий в южную стену корпуса и ведущий на второй его этаж. Заканчивается лестница в стене второго этажа. На всем своем протяжении кладка данного лестничного проема однородна. Нет никаких признаков двуслойности структуры, которая должна была существовать в случае, если бы крепостную стену пристроили к более древнему сооружению.

На время строительства корпуса указывают железные связи, выкованные механическим молотом. Кроме того, данный корпус выстроен одновременно с Дровяной башней (см. выше), а значит, и с одновременной ей южной частью вышеописанного хозяйственного корпуса, датируемого 70—80-ми гг. XVII в. Следовательно, корпус поварни и приспешни следует датировать тем же временем.

Судный приказ

Двухэтажный корпус Судного приказа (дом № 4)³⁵ примыкает с востока к церкви Воскресения (около 1670 г.). Его датируют либо XVI в.³⁶, либо концом XVII в.³⁷. В. С. Баниге относил строительство корпуса к рубежу XVI и XVII вв.³⁸ и подтверждал свое мнение сходством технических признаков данного корпуса с техническими признаками так называемых «иерарших палат» и других построек Ростовского кремля доининского времени³⁹. Но, как было показано выше, все эти здания в действительности принадлежат 70—80-м гг. XVII в.

Вполне определенно можно утверждать, что Судный приказ был построен до церкви Воскресения (около 1670 г.). Последняя примкнула без перевязки к его западному фасаду, наполовину закрыв одно из окон второго этажа этого фасада (ныне раскрыто реставраторами)⁴⁰. По-видимому, корпус Судного приказа, вместе с митрополичьими хоромами является одной из наиболее ранних построек кремля и принадлежит к 50—60-м гг. XVII в.

Церковь Григория Богослова

«Летопись о ростовских архиереях» датирует Григорьевскую церковь временем митрополита Ионы Сысоевича⁴¹. С конца XIX в. стали утверждать, что она построена при Ионе в 1670 г. над более древними «старыми кладовыми палатами»⁴². Судя по Описи 1691 г., первый этаж церкви действительно использовался как складское помещение⁴³. Но ни в одном из известных источников ничего не говорится о том, что палаты первого этажа древнее собственно церкви, нет свидетельства и о точной дате возведения памятника.

Во время раскопок 1955 г. Н. Н. Воронин обнаружил остатки палаты, стоявшей когда-то частью на месте Григорьевской церкви, частью — севернее ее. Из чего он сделал следующее, в целом справедливое заключение: «Слова о постройке церкви «на старых кладовых палатах» следует понимать не как указание на «надстройку» над какими-то сохранившимися палатами, а как топографическое указание, — церковь строилась на месте бывших здесь каменных палат»⁴⁴. Однако и после того В. С. Баниге продолжал настаивать на датировке подклета Григорьевской церкви XVI в.⁴⁵ В своих доказательствах он исходил из правильной посылки, что если бы удалось обнаружить перевязку между стенами подклета и колокольни, возведенной уже при митрополите Ионе, то вопрос о времени постройки подклета отпал бы сам собой, так как конструктивная связь с колокольней означала бы, что церковь и подклет построены одновременно, то есть — в 1670 году»⁴⁶. Но конструктивной связи между ними В. С. Баниге не обнаружил. По его словам, «перевязка западного внутреннего угла была осуществлена лишь на верху у стены церкви, внизу же ее не было. Последнее говорит за то, что к моменту постройки церкви Григория (1670 г.) ее подклет (кладовая?) уже существовал»⁴⁷.

Исследование мест примыкания указанной колокольни к подклету Григорьевской церкви привело нас к противоположному результату. Кладка их стен имеет перевязку по всей высоте. Следовательно, церковь и подклет построены одновременно. Этот же вывод с еще большей наглядностью демонстрируют следы разобранный каменной лестницы, ведущей наверх, в церковь, хорошо видимые на северном фасаде памятника. Лестница имела перевязку своей кладки с кладкой подклета, церкви и колокольни.

Это ли не подтверждение одновременности их строительства!

На железных связях и подклета, и собственно церкви обнаружилось многочисленное клейма последней трети XVII в. Значит, если церковь упомянута в Описи 1691 г. (см. выше), то ее следует датировать 70—80-ми гг. XVII в.

Церковь Воскресения

Единственным документальным свидетельством о времени строительства надвратной церкви Воскресения является «Летопись о ростовских архиереях», в которой сказано, что этот храм создан при ростовском митрополите Ионе (1652—1690)⁴⁸. А. А. Титов первым датировал памятник временем около 1670 г.⁴⁹. Именно эта дата и закрепилась в последующей литературе. Менее известным является мнение, что «по летописным данным, Иона Сысоевич построил церковь Воскресения «на старых палатах», образовавших ее высокий двухэтажный подклет»⁵⁰. Однако источник этих «летописных данных» авторами указан не был, что и не случайно, ибо никаких таких «летописных данных» не существует.

Нами на железных связях как в подклете, так и в галереях собственно церкви были обнаружены многочисленные клейма, характерные для последней трети XVII в. Значит, весь памятник не мог быть построен раньше этого времени. Характер кладки внутрстенной лестницы, ведущей из подклета в собственно церковь, а также наличие перевязки кирпичной кладки крепостных стен и стен подклета говорят об одновременности строительства церкви, ее подклета и примыкающих крепостных стен. Все приведенные выше новые данные не противоречат датировке церкви Воскресения временем около 1670 г.

Церковь Иоанна Богослова

Церковь Иоанна Богослова является одним из немногих памятников ансамбля, имеющих зафиксированную письменным источником точную дату строительства. Общеизвестно, что согласно надписи на восточной алтарной стене храма, он построен и расписан в 1683 г.⁵¹. Высказывалась также следующая точка зрения. «Высокий одноэтажный подклет, на котором стоит окруженная с трех сторон светлыми галереями церковь (Иоанна Богослова — А. М.), является частью разобранных и переделанных старых палат»⁵². Но никаких доказательств в защиту этой точки зрения приведено не было.

Наше обследование храма показало, что стены его подклета имеют перевязку своей кирпичной кладки с кладкой крепостных стен, построенных при митрополите Ионе. Как в подклете, так и в собственно церкви железные связи выкованы механическим молотом. Все это говорит о том, что собственно церковь Иоанна Богослова и ее подклет были построены одновременно. И здесь необходимо несколько уточнить традиционную датировку храма 1683 г. К 1 июня 1683 г. церковь не только была построена, но и расписана⁵³. А если учесть, что на роспись храма такого масштаба уходило не менее одного летнего сезона, то приходится признать, что собственно его строительство надо отнести ко времени около 1683 г.

Крепостные стены и башни

Как в случае с рядом других сооружений, рассматриваемого ансамбля, на время строительства его крепостных стен и башен указывает «Летопись о ростовских архиереях», в которой сказано, что митрополит Иона (1652—1690 гг.) «в бытность свою построил дом архиерейский и оградой оградил каменной, по городовому устроению...»⁵⁴. Данная версия серьезно никем не оспаривалась.

Несколько уточнить время возведения стен и башен ансамбля позволяют клейма, обнаруженные на многих воздушных железных связях этих сооружений. Разумеется, все доступные исследованию железные связи последних выкованы механическим молотом. Клейма же найдены на связях следующих элементов крепостных сооружений: обе башни, прилегающие к церкви Воскресения, западное прясло северного

го участка стены, угловая северо-западная («Одигитриевская») башня, башня, примыкающая с юго-запада к церкви Иоанна Богослова, башня над Водяными воротами и угловая северо-восточная («Часовенная») башня.

Поскольку крепостные сооружения Ростовского митрополичьего двора ко времени смерти митрополита Ионы были уже закончены, то их следует датировать 70—80-ми гг. XVII в.

Митрополичьи кельи на сушилах и погребях

По общему мнению, примыкающий с севера к Водяным воротам так называемый дом на погребях (дом № 3) построен при митрополите Иоасафе Лазаревиче, то есть между 1691 и 1701 гг.⁵⁵ Но еще в начале нашего века И. Н. Богословский, проанализировав Опись 1691 г., пришел к следующему правильному выводу: «У водяных ворот там, где теперь так называемый архиерейский дом, во время Ионы Сысоевича находились только выстроенные им же ледники и погреба с сушилами над ними... Устройство дома над сими ледниками и погребями летописями приписывается преемнику Ионы митрополиту Иоасафу Лазаревичу, причем оказалось необходимым к уже существующим сделать еще два погреба, вероятно в качестве фундамента. Дом был весь деревянный и назывался архиерейскими кельями»⁵⁶. Но это мнение автора не было принято во внимание и оказалось забыто.

Анализ приходо-расходных книг конца XVII в. Ростовского митрополичьего двора подтвердил и несколько уточнил указанное мнение И. Н. Богословского. Странительство новых архиерейских деревянных и каменных келий произошло в 1697—1698 гг.⁵⁷. Это значит, что весь третий этаж рассматриваемого корпуса, а не только его деревянная часть, появились при Иоасафе Лазаревиче.

В XVIII—XX вв. корпус неоднократно горел и переделывался. Особенно страдал третий этаж митрополичьих келий⁵⁸, который почти полностью утратил свой первоначальный вид. Но общее соотношение деревянных и каменных частей указанного этажа, по-видимому, осталось прежним.

Церковь Одигитрии

Ни у кого из исследователей не вызывало сомнения, что церковь Одигитрии построена в конце XVII в., при митропо-

лите Иоасафе Лазаревиче (1691—1701 гг.)⁵⁹. Однако точной документально установленной датировки она не имела. Начиная с XIX в., большинством авторов, без специальной аргументации называлась дата строительства памятника — 1693 г.⁶⁰. В 1964 г. В. Н. Иванов предложил иную датировку. По его мнению, «церковь Одигитрии была построена около 1698 года, когда «домовый каменщик села Заеринца» Степан Леонтьев левкасил и белил трапезную, то есть заканчивал отделочные работы»⁶¹. Однако одно только прочтение фрагментов из приходо-расходных книг 1690-х гг. Ростовского архиерейского дома, опубликованных Э. Д. Добровольской⁶², заставляет усомниться в данной точке зрения. В самом деле, судя по приходо-расходным книгам Ростовского архиерейского дома 1697—1698 гг., Степан Леонтьев не работал на отделке трапезной церкви Одигитрии. Этих работ тогда вообще не производилось⁶³. Вот полная цитата о работе Степана Леонтьева из указанных книг, которую, по-видимому, ошибочно воспроизвел В. Н. Иванов: «Каменщик Степан Леонтьев в Ростове на домовом дворе у церкви Пресвятой Богородицы Одигитрии паперть левкасил и белил, дано за работу семь алтын»⁶⁴. Незначительная плата, полученная каменщиком, говорит о том, что он занимался небольшим текущим ремонтом. К тому же церковь была действующей еще в предыдущем — 1697 г.⁶⁵.

Внимательное прочтение приходо-расходных книг Ростовского архиерейского дома 1691—1692 гг. позволило не только выяснить время закладки памятника, но и частично проследить ход его строительства.

Подготовка к возведению церкви Одигитрии шла с весны 1692 г. Очевидно, для строительства храма закупались различные материалы: «извести 500 бочек»⁶⁶, «железо связанное шестьдесят пудов»⁶⁷, «стекла оконничные»⁶⁸, кирпич «мелкий сырой»⁶⁹. Но основной объем кирпича был произведен в митрополичьей вотчине «в сельце Семеновском кирпичного дела мастером Ивашкой Филатовым, да работником Афонькой Федотовым, Ивашкой Фадеевым, Гришкой Кириловым с товарищи сорок два человека». За лето 1692 г. ими было изготовлено четыреста шестьдесят девять тысяч двести кирпичей»⁷⁰.

Наконец, 29 июля 1692 г. «Преосвященный Иоасаф митрополит ростовский и ярославский пел молебен на обкладе каменные трапезы пресвятые Богородицы Одигитрия»⁷¹, то

есть был совершен весьма характерный для того времени ритуал торжественной закладки храма.

Строили, видимо, быстро, так как уже в августе понадобилось для кладки сводов сделать «кружала». Их «ставили» митрополичьих вотчин «горских и заозерских сел и деревень, плотники Левка Павлов, Васька Ананьев, Данило Лукьянов, Савка Прокофьев, Бориско Тарасов, Мишка Архипов, Федка Сергеев, Андриюшка Яковлев»⁷².

Как видим, в летний сезон 1692 г. был выполнен значительный объем строительных работ. К сожалению, приходо-расходных книг по следующим трем годам до нас не дошло. И мы не можем с такой же определенностью судить о времени окончания строительства церкви. Но все-таки с большой долей вероятности можно утверждать, что она была завершена в 1693 г. Видимо, авторам XIX в., приводившим эту дату (см. выше), было известно какое-то свидетельство о ней. Возможно, они видели антиминс церкви с датой ее освящения. Во всяком случае, два года — это вполне подходящий срок по тем временам для строительства здания такого масштаба.

Переход между Белой палатой и Поварней с приспешней

Давно уже подмечено, что всякий переход, соединяющий Белую палату с корпусом Поварни и приспешни построен позже последнего⁷³. Казалось бы, переход возник одновременно с Белой палатой. Однако проведенное нами обследование места примыкания западной стены перехода к стене Белой палаты показало следующее. Кладка перехода примкнула к уже побеленной стене Белой палаты, причем указанная побелка к моменту пристройки переходов имела значительное загрязнение. Следовательно, переход возник позже не только Поварни с приспешней, но и Белой палаты (около 1675 г.). Вероятно, его следует датировать концом XVII в.

Корпус при церкви Иоанна Богослова

Большая часть корпуса, примыкавшего с юга к церкви Иоанна Богослова, в 1850-е гг. была разобрана⁷⁴. Уцелел и дошел до нашего времени лишь небольшой южный объем этого корпуса. На обнаженной поверхности крепостной стены, которая являлась западной стеной данного корпуса, уцелели фрагменты снесенных поперечных стен последнего. Те-

перь хорошо видно, что кладка этих стен была перевязана с кладкой крепостной стены, и что единые железные связи пронизывали и стены корпуса, и крепостную стену. Все говорит за то, что корпус строился одновременно с данным участком крепостной стены. А поскольку она возводилась одновременно с церковью Иоанна Богослова (около 1683 г.), то и рассматриваемый корпус надо отнести к началу 1680-х гг.

Итак, в настоящей работе были рассмотрены и уточнены датировки подавляющего большинства зданий Ростовского кремля. Важно подчеркнуть, что те памятники, которые традиционно датировались XVI в., в действительности были построены в период правления митрополита Ионы (1652—1690 гг.). Таким образом, вопреки утвердившемуся мнению, ансамбль Ростовского митрополичьего двора сформировался не на протяжении XVI—XVII вв., а целиком во второй половине XVII в.⁷⁵

¹ Титов А. А. Летопись о ростовских архиереях. СПб., 1890. С. 14.

² Титов А. А. Описание Ростова Великого. М., 1891. С. 57; Иванов Д. А. Спутник по Ростову Великому Ярославской губернии. Ростов Великий, 1912. С. 112.

³ Собынин В. А. Ростов в прошлом и настоящем. Ростов-Ярославский, 1928. С. 27.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Банниге В. С. Кремль Ростова Великого XVI—XVII веков. М., 1976. С. 96.

⁶ Банниге В. С. Восстановление Ростовского кремля. Ярославль, 1963. Рис. 14.

⁷ Описание Ростовского архиерейского дома 1691 г. /РЯ АХМЗ, Р-1083. Л. 84, 110 об., 124, 141, 142 (В дальнейшем — Описание 1691 г.).

⁸ ЦГИА, ф. 796, оп. 39. Д. 344. Л. 46 об.

⁹ Мельник А. Г. Ансамбль ростовского Спасского монастыря //Труды Ростовского музея. Ростов, 1991. С. 114—115.

¹⁰ Струмилин С. Г. Избранные произведения. История черной металлургии в СССР. М., 1967. С. 77—79.

¹¹ Мельник А. Г. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого //Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 126.

¹² Банниге В. С. Кремль Ростова... С. 102; Его же. Научный отчет по исследованию ростовских палатных зданий XVI и начала XVII веков (1960) /РЯ АХМЗ, А-1086. Л. 10—11.

¹³ Титов А. А. Летопись о ростовских... С. 14.

¹⁴ См. текст храмового креста в кн.: Суслев В. В. Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1890. Вып. VI. Л. 6.

¹⁵ Мельник А. Г. Ростовский митрополичий двор в XVII в. //СГМ. Ростов, 1991. Вып. I. С. 137.

- ¹⁶ Титов А. А. Кремль Ростова... С. 125.
- ¹⁷ Титов А. А. Кремль Ростова... С. 125; Баниге В. С. Кремль Ростова... С. 118.
- ¹⁸ Богословский И. Филарет Никитич Романов и г. Ростов Ярославский. Ярославль, 1913. С. 16—20.
- ¹⁹ См.: Мельник А. Г. Иван Николаевич Богословский //СРМ. Ростов, 1991. Вып. II. С. 78—81.
- ²⁰ Баниге В. С. Научный отчет по исследованию ростовских... Л. 21. Его же. Кремль Ростова... С. 128.
- ²¹ Баниге В. С. Научный отчет по исследованию ростовских... Л. 21.
- ²² Там же. Л. 24.
- ²³ Там же. Л. 25; Его же. Искусство ростовских строительных мастеров. Диссертация. Л., 1963. Л. 125.
- ²⁴ См.: Техно-рабочий проект благоустройства и малых форм Ростовского кремля //Государственный институт по проектированию геотрадиционно-зрелищных предприятий. Гипротест. Л., 1979, № 20762, Л. 4, 6, 7. Рис. 1, 2, 15; Леонтьев А. Е. Историческая топография и культурный слой г. Ростова Ярославской области. Проект режимных зон культурного слоя //Архив Института археологии Академии Наук СССР. М., 1985. Л. 16 (Копии обоих документов хранятся в РЯ АХМЗ).
- ²⁵ Баниге В. С. Научный отчет по исследованию ростовских... Л. 25.
- ²⁶ Там же. Л. 23.
- ²⁷ Чернышев М. Б. Датировка памятников архитектуры по клеймам на железных частях //Вопросы теории и практики архитектуры и градостроительства. М., 1980. С. 152—153.
- ²⁸ Опись 1691 г. Л. 142 об.
- ²⁹ Мельник А. Г. Ростовский митрополичий... С. 137.
- ³⁰ Толстой М. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847. С. 34; Титов А. А. Кремль Ростова... С. 76; Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 85; Баниге В. С. Кремль Ростова... С. 120.
- ³¹ Баниге В. С. Кремль Ростова... С. 122.
- ³² Там же. С. 120—122; Его же. Князьин терема. Научный отчет /РЯ АХМЗ, А-1113. Л. 38—43.
- ³³ Баниге В. С. Князьин терема. Научный... Л. 10.
- ³⁴ Там же. Л. 9.
- ³⁵ Мельник А. Г. Ростовский митрополичий... С. 137.
- ³⁶ Собянин В. А. Указ. соч. С. 29.
- ³⁷ Иванов В. Ростов. Углич. М., 1975. С. 60.
- ³⁸ Баниге В. С. Научный отчет по исследованию ростовских... Л. 33; Его же. Кремль Ростова... С. 116.
- ³⁹ Баниге В. С. Научный отчет по исследованию ростовских... Л. 32.
- ⁴⁰ Там же. Л. 31.
- ⁴¹ Титов А. А. Летопись о ростовских... С. 14.
- ⁴² Титов А. Церковь Григория Богослова в кремле Ростова Великого. Ярославль, 1893. С. 2; Шамурин Ю. Ростов Великий. Троице-Сергиева Лавра. М., 1913. С. 36.
- ⁴³ Опись 1691 г. Л. 132.
- ⁴⁴ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова //Древний Ростов. Ярославль, 1958. Вып. I. С. 23.
- ⁴⁵ Баниге В. С. Кремль Ростова... С. 123.
- ⁴⁶ Баниге В. С. Церковь Григория Богослова. Научный отчет /РЯ АХМЗ, А-1118. Л. 9.
- ⁴⁷ Там же. Л. 10.

- 45 Титов А. А. Летопись о ростовских... С. 13.
 49 Титов А. А. Описание Ростова... С. 42.
 54 Баниге В. С., Брюсова В. Г., Гнедовский Б. В., Ша-
 по в Н. Б. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957. С. 74.
 51 См.: Суслов В. В. Памятники древнего русского... Л. 5.
 52 Баниге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 79.
 53 Суслов В. В. Указ. соч. Л. 5.
 54 Титов А. А. Летопись о ростовских... С. 13.
 55 Там же. С. 15; Титов А. А. Кремль Ростова... С. 34; Бани-
 ге В. С., Брюсова В. Г. и др. Указ. соч. С. 106; Баниге В. С.
 Кремль Ростова... С. 117.
 56 Богословский И. Указ. соч. С. 14.
 57 ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. I. Д. 10. Л. 15 об., 19, 20 об., 21 об.,
 24.
 58 Богословский И. Указ. соч. С. 15—16; Баниге В. С., Брю-
 со ва В. Г. и др. Указ. соч. С. 106.
 59 Титов А. А. Летопись о ростовских... С. 15.
 60 Ионафан. Церкви города Ростова //ЯЕВ, 1882, ч. неофиц. С. 351;
 Титов А. А. Кремль Ростова... С. 112; Собянин В. А. Указ. соч.
 С. 31.
 61 Иванов В. Н. Ростов. Углич. С. 102—103.
 62 См.: Добровольская Э. Д. Новые материалы по истории Рос-
 товского кремля //Древний Ростов. Ярославль, 1958. Вып. I. С. 41—44.
 63 См.: ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. I. Д. 10. Л. 1—61 об.
 64 Там же. Л. 45.
 65 ЦГАДА, ф. 235, оп. 2. Д. 162. Л. 50 об.
 66 ЦГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. I. Д. 6. Л. 31.
 67 Там же. Л. 44 об.
 68 Там же. Л. 57.
 69 Там же. Л. 59.
 70 Там же. Л. 59 об.
 71 Там же. Л. 49 об.—50.
 72 Там же. Л. 58 об.
 73 Эдинг Б. Указ. соч. С. 85—86.
 74 Лествицын В. Два дня в Ростове //ЯГВ, 1869, ч. неофиц., № 46.
 С. 4.
 75 Разумеется, в данном выводе не учитываются перестройки зданий
 ансамбля XVIII—XX вв.